

ПОЭТИКА

А.В. Маркин

ПОЭТИКА ФИЛОСОФСКОЙ ФОРМЫ

Аннотация. В эссе излагаются и обосновываются представления о неразрывной связи поэтики и философского стиля мышления, о ценности поэтического искусства в философском отображении действительности. Подчеркивается взаимное проникновение, взаимная связь философской мысли и поэтики как двух наиболее древних, изначальных способов постижения сути бытия. Поэтика рассматривается не только и не столько как стихотворный размер, рифмованное слово. Ее сущность понимается как внутренний такт, ритм, пульс, гармония всякой формы проявления бытия, в конкретном случае вербальной формы. Поэтика представляется наилучшим способом достижения цели философии — проникновение мысли в сущность бытия и воспроизведение ее в ментальном пространстве. Философия, в своих высших проявлениях, представляет собой сердцевину, корень всякого искусства, в том числе и поэтического. Поэтика, в свою очередь, есть способ постижения философских истин, высший способ философских обобщений. Поэтическая истина - истина философская. Ее наилучший образ воспроизведения - поэтическое слово. Философия нуждается в поэтике как искусстве проникновения в гармоническое начало мира через ритмическую, рифмованную природу слова, через поэтический образ, восходящий своей изначальностью к трансцендентальным измерениям бытия. В своих лучших формах проявления философская мысль заключает в себе силу и гармонию поэтики, несет в себе энергетику космического ритма, звучит в унисон с равновесием вселенной.

Ключевые слова: поэтика, философия, форма, вербальность, красота, искусство, ритм, рифма, гармония, творчество.

*Поэтическое искусство проникает
в самую суть дела, в то время как точный отчет дает
только перечень фактов.*

Аристотель

Философия тяготеет к поэтическому жанру изложения мысли, поскольку поэзия есть путь образного постижения действительности и воспроизведения постигнутого в слове, порой столь мастерского воспроизведения, что кажется, будто слова поэта приходят из иррационального измерения, в котором живут своей жизнью до того, как посещают реальность.

Вдохновение поэта знает сакральную тропинку в метафизическое пространство слова, способного создать иную реальность, одновременно доступную нашим ощущениям. Это слово неотделимо от философского основания. В одинокой бесконечности своего пребывания оно ждет мысль философов и поэтов с тем, чтобы начать процесс созидания красоты.

В подобном состоянии мысль философа, заглянувшего в мир абсолютных истин, неизбежно стремится к

соответствующей форме воплощения, к той, что способна передать истины, превосходящие своим измерением секундные способности человеческого разума.

Близость философии и поэзии как двух сфер искусства познания действительности отмечал философ, писатель, мастер теории прозы и поэзии В. Шкловский, указывая: «Походка искусства — это походка людей, желающих понять то, что называем мы действительностью»¹. Действительность, бытие — главный объект философской мысли и здесь философия сливается с поэтическим искусством, а поэтическое искусство обретает философский корень в стремлении понять и объяснить мир.

Слова Виктора Шкловского о том, что «стихи — тоже действительность, и очень крепкая действительность, как будто исключаемая из времени, потому что она оживает тогда, когда то, что создало стихи, должно было быть просто забыто», очень точно отражают и статус философии, как формы существования

¹ Шкловский В.Б. О теории прозы. М.: Советский писатель, 1983. С. 5.

реальности². Этому положению философской мысли показан поэтический стиль постижения и описания действительности.

Философские истины в поэтическом искусстве обретают статус бытия, столь же реальный, как и сама действительность, обеспечивая опору для дальнейшего развития разума. В поэтической форме как бы чеканятся в драгоценной субстанции вечности, добытые философской мыслью истины бытия: «Мысли, надежды человечества идут не по торным дорогам, а по мостам, которые опираются на острова поэзии» — слышим мы вулканический рокот философского ума В. Шкловского³.

Но в чем эта необъяснимая сила поэтического слова? Чем обусловлена его чарующая магия, захватывающая сознание вне зависимости от уровня цивилизованности, культуры, специфики образования носителя?

Ритм, рифма и сфера обитания — вот ключевые факторы, заключающие в себе магическую силу воздействия поэтического слова на сознание.

Ритм и рифма — разные формы проявления единого основания. Это понятия, отражающие гармонию вселенной, ее равновесие. Ритм глубже рифмы, ибо он сама гармония, не обусловленная вербальностью. У космического ритма, который мы полагаем сутью поэтики, субстанциальная природа. Он способен поражать сознание какой-то определенной, энергетической, можно сказать, силой. Эта сила вводит сознание в состояние транса, в состояние медитативного раскачивания маятника равновесия, симметрии, гармонии вселенной, отражаемой сознанием как предельная красота.

Рифма — вербальный способ существования ритма, всего лишь один из способов. Поэтическая рифма есть вербальное воспроизведение мировой гармонии, ритма жизни вселенной: «Вопрос рифмы тесно связан с вопросом о ритме. Как человеческая походка — это ритм колебания между двумя состояниями устойчивости и неустойчивости, так рифма — это ритм походки поэтического произведения»⁴.

Сфера обитания поэтического слова — это уровень интеллектуального измерения, в котором живет и орудует поэтическое слово. Мы определяем этот уровень пограничным состоянием между сознанием и подсознанием. Это то измерение интеллекта, которое вплотную примыкает к самому глубинному способу мышления — образному. Поэтическое слово — вербальный инструмент, способный работать в пространстве бессознательного. Инструмент духа, захватывающий дикую, необузданную красоту образных драгоценностей подсознательного и

придающий им интеллектуальную огранку, форму ценностей сознания.

Такого толкования поэтики придерживался Шеллинг. Он писал Шлегелю по поводу принципов понимания последним сущности поэтики в качестве опытного знания, излагаемых им в предоставленных Шеллингу конспектах лекций: «Откровенно говоря, менее всего удовлетворяет меня то, что вы читали о поэзии. В связи с этим я вновь укрепился в своем мнении о *бессознательной* (выд. нами, — *авт.*) поэтической деятельности (*dem bewußtlosen Antheil an der Poesie*). С вашими принципами вы не можете понять и конструировать ни одно из ваших собственных произведений... Мне кажется, что многое относится скорее к риторике, нежели к поэтике»⁵.

Источник открытия вербальных форм, источник всякого, в том числе и поэтического, и философского творчества — бессознательное. В глубинах подсознания господствует стихия трансцендентального. Вербальные истины рождаются в бессознательном как узоры на зимнем стекле, без какого бы-то ни было рационального обоснования и объяснения. Они формируются в слова и фразы как снежинки или облака по неведомым нам законам, но их структура несет в себе единое начало, отражающее сущность бытия, его симметрию, привлекающую сознание как благоухающий цветок майскую пчелку. В поэтическом сознании трансцендентальность бессознательного открывает самое себя.

Поэтика — это ритм, гармоничная вибрация вселенной, прорывающаяся в сознание из самой глубины бессознательного и завоевывающего сознание через те или иные исключительные качества слова.

Бессознательное живет по законам отсутствия осознанного порядка, симметрии, по законам отсутствия формальной эстетики, но оно, безусловно, эстетично, только это иная эстетика, эстетика иного уровня, того, которое сознание воспринимает как игру диспропорции. Истины творческого озарения есть дети хаоса, а не рациональности, но хаос — неосознанная пропорция, неосознанная эстетика, другая эстетика.

Сознание ограничено, бессознательное не имеет границ. Соучастие в бессознательном раздвигает горизонты осознанности. Луч сознания выхватывает в стихии бессознательного лишь то, что знает, а знает лишь то, что соответствует эстетической природе его знания. Бессознательное развивает эстетику сознания, сознание рационализирует эстетические истины бессознательного. Это взаимодействие ведет к тому, что рано или поздно эстетика бессознательного, неосознанная эстетика, другая эстетика осознается и становится эсте-

² Там же. С. 6.

³ Там же. С. 116.

⁴ Там же. С. 116.

⁵ Шеллинг, Фридрих. *Философия искусства*. М.: Мысль, 1966. 466 с. С. 14.

тикой формальной, осознанной, становится искусством и культурой.

Подсознание — та сфера, в которой безраздельно господствует космический ритм вселенной, сам пульс равновесия вселенной, сущность ее гармонии. Начало вселенной — ее гармония, а гармония — такт, ритм, рифма, унисон, созвучие, соразмерность, равновесие, симметрия. Вселенная живет единым ритмом, но «ритм возникает как следствие стремления к равновесию»⁶. Вселенная стабильна в своем вечном стремлении к равновесию. Это стремление, движение, обеспечивающее симметрию, несет в себе внутреннюю энергетику — ритм, мерность, воспринимаемую нашим подсознанием, в котором живут своей тихой жизнью вербальные формы, не проявляющие себя до времени в сознании. В этом измерении не действуют правила грамматики, орфографии, пунктуации, лишена своего влияния формальная логика, но действует пропорция, действует эстетика.

Главный инструмент ритма на этом уровне — образ и вибрация, колебание, волна звука, его пульс, его мерность. Поэтическое слово находится в одной игре с космическим ритмом и образом, оно облагораживает буйство образной, ритмической стихии бессознательного и представляет его в сознании. Истинных поэтов по праву называют медиумами, посредниками и практиками божественного транса. Известная современная поэтесса описывает процесс взаимодействия сознания и подсознания таким образом, что иногда ее посещают видения, в которых слова, связанные поэтическим ритмом и облеченные в рифмованную форму движутся сверху вниз в определенном порядке перед внутренним взором, будто на экране монитора. Как правило, они имеют законченную форму стиха, но всегда без соблюдения каких бы-то ни было формально-логических установлений.

Вряд ли такие состояния правомерно сводить к сновидениям, это, скорее всего, медитативные явления. Их объяснение заключается в том, что со временем сознание начинает видеть работу подсознания и даже соучаствовать в ней, запоминать ее, поражаясь нелогичности комбинаций подсознания, отрицанию им каких бы-то ни было правил грамматики, орфографии, пунктуации, но вместе с тем улавливая их эстетику и принимая кажущуюся алогичность предлагаемых правил за эстетическую норму. Это способность человеческого сознания, которую развивают буддийские монахи, практикуя осознанные погружения в бессознательное. Когда, по собственному свидетельству, поэтесса впадает в такое состояние, слова,

движущиеся перед ее внутренним взором, поражают сознание пульсом необычного ритма, необъяснимостью сюжетов и отсутствием знаков препинания.

В образце, который она приводит для демонстрации своих высказываний, нет строчных букв, знаков препинания, не действует закон логического противоречия, но есть все то, чем поэтическое произведение покоряет наш эстетический вкус.

Здесь господствует обнаженный ритм, свободный от смыслов, целеполаганий, рациональности; рифма, отражающая игру разума за пределами сознания, рифма, в которой слово выбрано не сознанием, а самим разумом вселенной, тем разумом, который мы привыкли называть подсознанием. Подсознанию принадлежит пальма первенства в открытии слов и их комбинаций, поскольку они формируются в бессознательном неостановимым потоком. Бессознательное как бы демонстрирует свои вербальные богатства во всей их красе перед сознанием, предоставляя последнему возможность выбора того, что требуется. Этот разум не обучаем формальным знаниям, знаниям, сконструированным сознанием, он абсолютно одинаков у младенца и человека, достигшего почтенного возраста. Этот разум, это наше подсознание лишь прибегает к некоторым продуктам сознательной деятельности, чтобы достучаться до самого сознания, чтобы объяснить сознанию истину гармонии.

Такая способность видеть внутренним взором ритм вселенной через рифмованное слово приходит с возрастом и опытом поэтической практики, она развивается, но не у всех, а некоторым дана изначально, сразу. В основном, на ранних этапах, стихи рождаются без осознания механизма их формирования в глубинах подсознания. То же самое касается и осознанного, рационального выстраивания размеров, рифм стихов в обычной поэтической деятельности. Мы полагаем, что это явление сходно с осознанными сновидениями, глубокими медитациями и иными подобными способами удерживать внимание, совершая осознанные погружения в глубины бессознательного.

Александр Блок называл поэтическое искусство проявлением космического ритма, а поэта его носителем. В своих записках он отмечал: «В бесконечной глубине человеческого духа, в глубине недоступной для слишком человеческого, куда не достигают ни мораль, ни право, ни общество, ни государство, — катятся звуковые волны, родные волнам, объединяющим вселенную, происходят ритмические колебания, подобные колебаниям небесных светил, глетчеров, морей, вулканов»⁷.

Возможно, природа этих волн не звуковая, а более тонкая, которая со временем будет научно определена.

⁶ Шкловский В.Б. О теории прозы. М.: Советский писатель, 1983. С. 116.

⁷ Блок А. Дневник. М., 1989. С. 334.

на, но то, что она субстанциальна, проявляема вовне, улавливаема сознанием и воспроизводима в слове, в поэтическом слове, в слове философском, прозаическом не вызывает сомнений, ибо — факт.

Ритм есть сущность поэтики, рифма — наилучшая форма ее выражения: «Ритм, а значит, рифма, — это единственный способ движения с сохранением равновесия», говорит нам Шкловский⁸.

Суть поэтики состоит не в стихах, или их форме.

- Что такое поэт? Человек, который пишет стихи? — задается вопросами А. Блок и тут же отвечает:

- Нет, конечно. Поэт — это носитель ритма⁹.

Те волны, которые по выражению А. Блока катятся «в бесконечной глубине человеческого духа» принадлежат не человеку, они являются пульсом вселенной, пронизывающим все вокруг и человеческий разум в том числе.

Сущность поэтического искусства — космический ритм, через который проявляется начало мира. Непосредственное соприкосновение поэта с этим началом делает поэтическое творчество волшебным отблеском невообразимой игры, в которой заключена реальность бытия, его магия, его непостижимость.

Подлинный творец, каким бы видом искусства он ни занимался, следует космическому ритму, его творческой природе. Но всякий творец несет в самой глубине своего творческого начала, в самом сердце своем жемчужину философии как чистое, первородное дитя изначальной связи бытия и разума.

Философия, как и поэзия — духовный поиск равновесия во вселенной. Если мысль философа стремится к началу бытия, то это означает ее стремление к гармонии. Мысль философа ритмична и динамична по определению, поскольку неизбежно стремится к гармоничному началу существования: «Ритм — это всегда движение. Движение как бы между двух стенок, стенок противоречий, ощупывая, касаясь рукой то одной, то другой стенки»¹⁰.

Ритмичность движения философской мысли предопределена равновесием природы, в котором ищет себя философский гений. Как только философское слово приближается к сути бытия, оно начинает вибрировать в унисон с космическим ритмом вселенной, с ее гармонией. Оно наполняется поэтикой, мерным звучанием космического начала. В текстовых формах изложения мысли Анаксиандра, Парменида и Гераклита присутствует поэтическая

гармония даже тогда, когда, на первый взгляд, нет строго формального поэтического размера, но все же есть «ритм походки» мысли, звучащей в унисон с гармонией вселенной. Поэтика текстов изначальных мыслителей, как их удачно именует Мартин Хайдеггер¹¹, предопределена чистотой и силой воображения. Мысль Гераклита качается в такт маятнику космического ритма вселенной: «Огня смерть — воздуха рождение и воздуха смерть — воды рождение»¹². Она пронизана светом поэтики, ее духом: «Война — отец всего и всего царь; одним она определила быть богами, другим — людьми; одних она сделала рабами, других свободными»¹³. Слова просты, но они каким-то непостижимым образом аккумулируют энергию космического ритма и заставляют сталкивающееся с ними сознание вибрировать в такт задолго до того как осознается их глубинный смысл. Муза Гераклита, его божественная грация танцует в центре пламенной розы. Танец прекрасен. В такт его ритму мерами возгораются и мерами гаснут огни вселенной, миры ее и ее звезды.

Сама природа говорит устами древних мыслителей, сам космос звучит в их изречениях, заставляя содрогнуться от ощущения запредельного могущества, заключенного в таком, казалось бы, привычном слове. Частота колебаний космического ритма, воспроизведенного в мысли и слове изначальных мыслителей, обладает притягательной силой, вовлекающей в водоворот своего медитативного танца всякое соприкасающееся с ними сознание, неизбежно выпадающее в транс философского озарения.

Представляется, что более широкий интенциональный опыт мышления отличает изначальных мыслителей и их интеллектуальные достижения от последователей. Сам предмет их мысли — бытие предполагает интенциональное погружение на глубину «сокрытых» истин и обретение знаний путем философских озарений, путем интеллектуальных откровений, ошеломляющих своей эвристичностью. Такие истины доступны лишь на высочайшем уровне философских обобщений, который предопределен гением философа, отсюда и та лаконичность, художественность, *поэтика* работ изначальных мыслителей. Потому-то древние греки обожествляли философскую истину, признавая трансцендентальную природу освещающего ее гения. И божественная благодарность не заставила себя ждать: щедрым взмахом были рассыпаны интеллектуальные драгоценности на маленькую греческую землю и дали такие благодатные всходы, которые прославили греков в веках как народ

⁸ Шкловский В.Б. О теории прозы. М.: Советский писатель, 1983. С. 116.

⁹ Блок А. Дневник. М., 1989. С. 334.

¹⁰ Шкловский В.Б. О теории прозы. М.: Советский писатель, 1983. С. 116.

¹¹ Хайдеггер М. Парменид. СПб.: Владимир Даль, 2009. С. 26-27.

¹² Материалисты древней Греции. Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура / под общ. ред. М.А. Дынника. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1955. С. 48.

¹³ Там же. С. 46.

мыслителей, философов, народ, научивший нас *поэтике философской формы*, народ, не превзойденный в своих интеллектуальных достижениях на протяжении всей истории человечества.

Именно из тяготения к гармонии, равновесию бытия проистекает такое последовательное стремление философской мысли к своему поэтическому воспроизведению, к поэтической форме. Философия — ритм мысли, поэзия — рифма строки, их стремление друг к другу есть закон творческой пропорции, природа творчества. Мысль философа и поэта тогда гармонична, когда звучит в унисон с единым ритмом действительности, когда она сливается с равновесием природы, становится наполнением этого равновесия, единицей содержания мировой гармонии. Истина о первоначальном «обожает» поэтическую форму. Отсюда и философская мысль, знающая истину, стремится к поэтической гармонии. То, что во вселенной ритм, в поэзии — рифма. Рифма — вербальный ритм гармонии вселенной. Философская мысль, постигающая ритм вселенной, стремится к поэтической рифме, как к форме выражения мировой гармонии, как к форме выражения равновесия, достигнутого ею с самой сущностью бытия. Ритм, поэтика философской мысли есть ее главное орудие в завоевании истин бытия. Философская мысль, возведенная в состояние магического ритма, словно волны океанического прибоя раз за разом обрушивающие свой вес на неприступную прибрежную твердь, испытывающие ее на крепость. Скала философской мысли, на которой она пробует свою силу — бытие, его начало и сущность. У сторон этого противостояния завидный запас прочности, теряющийся своими пределами в бесконечности. Вес философской мысли имеет значение, но он несопоставим с весомостью объекта своего натиска, поэтому сила философской мысли в *мерности* приложения ее усилий.

Если использовать образную форму передачи мысли, то философию можно назвать *поэтикой мудрости*. Истинные достижения философии рождаются по тем же необъяснимым закономерностям, что и многие шедевры поэзии. Поэт находит удивительную рифму там, где простым смертным дано лишь обозначить искомое понятие невнятным словом или прикрыть творческую беспомощность терминологией наукообразного сленга. Философская мысль обретает начало поэтики там, где ее глубина находит свое гармоническое звучание в простоте обыденного слова.

Произведения, заключающие в себе свет поэтики, могут служить превосходным примером игры метафизической природы вербальности с сознанием, бьющемся в экстазе постижения магического ритма построения ощущаемого мира из тонкой реальности неоощуемого слова. Мартин Хайдеггер, исследуя текстовые приемы изначальных мыслителей, описывает, как Парменид,

интуитивно избравший поэму наилучшей формой изложения философских истин, буквально в нескольких строчках дает начало новой космогонии и новой философии. Поэтическая рифма как способ существования космического ритма доносит до нас наикратчайшим путем истоки метафизики. Мир разделен на иллюзорный, кажущийся и истинный, на мир должного и мир сущего. Разделено знание о бытии. И все это сделано при помощи нескольких поэтических строчек¹⁴.

Эмоциональная сила поэтического воздействия огромна. Не будет преувеличением сказать, что философия рождалась в форме поэзии. Но и поэзия являет собой форму интенсивного, философского познания действительности, равно как и всякое искусство. Поэтический жанр философских произведений считался эстетическим идеалом художественного выражения философской мысли. Гомер, Гесиод — *поэты*, писавшие *философские* поэмы, напротив, Парменид, Тит Лукреций Кар и многие другие представители *философской* мысли избрали для изложения философских истин *поэтическую* форму. По преданию, Пифагор начинал свой очередной день с пения песен на стихи Гомера, — это ли не признание философской силы поэтического ума. И тех, и других мы на полном основании можем называть как поэтами, так и философами. Тысячелетия прошли, но мир не забывает этих произведений и учится по ним философии, миропониманию, опираясь на поэтику их философской формы.

Вербальная форма завладевает нами лишь тогда, когда она, стимулируя интенцию, способна вызвать восторг нашего творческого начала, нашего воображения и здесь пальма первенства вне всяких сомнений принадлежит поэтике: «Пусть эта «форма» была прежде воспринята, узнана, даже стерта до банальности, однако, пока ее не озарил внутренний поэтический свет, она была попросту объектом рассмотрения для духа»¹⁵.

Поэтика — это гармония, красота вербальной формы. Содержание поэтики не исчерпывается поэтической рифмой, хотя поэзия занимает главенствующее место в иерархии ценностей поэтики. Поэтика характерна для всякого слова, в том числе и для прозаического, лишь бы оно несло в себе радость и гармонию творческого вдохновения. Если мы скажем, что любая творческая мысль стремится к поэтическому воплощению, то, скорее всего, это будет не мнение, а факт. Поэтические формы есть хранители, носители образов. Образ — глубинная психическая структура, он предшествует мысли: «Образ в своей простоте не предполагает знания. Он есть достояние наивного сознания и, выражая себя,

¹⁴ Хайдеггер М. Парменид. СПб.: Владимир Даль, 2009. С. 26-27.

¹⁵ Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 11.

порождает новый язык»¹⁶. Поэзия озвучивает образы, овеществляет их, пуская в интеллектуальный оборот через слово: «Поэтический образ прорывает поверхность языка, он всегда приподнят над уровнем осмысленной речи»¹⁷. Слово проистекает из состояния души поэта, попадающей в царство образа.

Поэт дарит образы как эстетическую игрушку для души, умеющей наслаждаться тайной рождения смыслов из беспредметной образности слова. Вряд ли кто-либо сможет при помощи рациональной способности мышления так точно передать суть культовой формы, которую безошибочно улавливает муза поэта.

Образ и слово — главный инструмент поэта в его воздействии на сознание. Слова и образы — стихия поэтического творчества языка: «Благодаря новизне своих образов поэт всегда творец языка»¹⁸. Поэтическое осознание образов осуществляется в слове. При этом слово не обязательно должно быть не известным языку, оно просто наполняется новым светом, новым содержанием под влиянием вербального рисунка поэтического ритма и тем самым выступает творческим началом нового языка, языка новых смыслов.

Логика, порой, не поможет понять природу образа, легким штрихом набросанного поэтическим вдохновением, но ритм, рифма, на которые нанизано слово, имеют свою собственную субстанцию и свой путь проникновения в сознание, захватывая его совершенно новыми ощущениями и облегчая восприятие несущего этот образ слова. Логика противопоставлена поэтическому вдохновению. Как только мысль обретает логическую определенность, поэтический образ покидает ее пространство. Поэтический образ — миниатюрная росинка на серебристой паутинке слова, путешествующая, словно осенний паучок в бесконечной логической пустоте мысли.

Поэтические слова как атомы виртуального пространства, заключающие в себе неукротимую энергию рождения воображаемых миров в индивидуальном сознании: «Поэт говорит на пороге бытия»¹⁹. О поэтическом состоянии сознания, томящегося «на пороге бытия» исходом образа в слово гениально выразилась Анна Ахматова:

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда²⁰.

Недожиданный философский ум скрывается за крупными строчками стихотворения. Он присматривается к миру с завидным вниманием, обнаруживая «сокрытую» от поверхностного взгляда могучую ауру жизнеутверждения в самом что ни на есть «сорном» срезе нашего бытия. И преподносит нам открытые истины так, что дух захватывает сияние эстетической грации и уносит его в мир высоких форм.

Сила поэтического слова в том, что оно, словно объективный мир, способно воспроизводить образы новых измерений бытия, захватывающие нас, поглощающие нас без остатка и формирующие нашу сущность: «Здесь творчество сосредоточено в тонкой ниточке фразы, в эфемерной жизни слова»²¹.

Грезящее образами иной реальности сознание становится нашей сущностью под воздействием поэтического слова. Поэтому философия стремится к поэтической форме, к слову, способному рождать образы, ибо ее цель — овладение нашей духовностью, формирование нашей ментальности: «Одна выдающаяся поэтическая строка способна оказать огромное влияние на душу языка. Она пробуждает забытые образы. И в то же время она санкционирует непредсказуемость слова. Не оказывается ли эта непредсказуемость подлинной школой свободы? Какое удовольствие для поэтического воображения потешаться над цензурой! В былые времена поэтика определяла границы дозволенного. Но современная поэзия вдохнула свободу в саму плоть языка. Поэзия, в таком случае, предстает как феномен свободы»²².

Поэтический ритм, рифма, такт, само поэтическое слово, его гармония способны менять пространство и характер сознания. Сознание чистое, ледяное и прозрачное как лесной родничок, розовое, воздушное, облачное, божественное, бархатное, ночное, мягкое, нежное, шелковистое; сознание темно-синее с золотыми звездами, широкой пригоршней рассыпанными по его поверхности; сознание цветочное, ароматное, душистое, яркое, теплое, жизнерадостное; сознание летящее, стремительное, вездесущее. Все это блаженное сознание, сознание поэтического транса, уловившее через поэтическое слово гармонию вселенной. Это и есть истинно философское сознание, то, в котором мысль нанизана на струну гармонического ритма вселенной.

Философы, стремящиеся к поэтике своих текстов, становятся творцами нового языка, стимулируя искусно подобранным словом образы, захватывающие интенцию читателей их текстов, вдыхая «свободу в саму плоть языка». В чем, в чем, но в знании свободы во всех ее

¹⁶ Там же. С. 9.

¹⁷ Там же. С. 15.

¹⁸ Там же. С. 9.

¹⁹ Там же. С. 8.

²⁰ Ахматова А. Бег времени. М.-Л.: Советский писатель, 1965. С. 294.

²¹ Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 15.

²² Там же. С. 15.

сущностях и проявлениях, во всех ее неожиданных и ошеломляющих метаморфозах, в непредсказуемых формах упрекнуть философскую мысль вряд ли будет справедливо. Свобода — та стихия, где истинный философ чувствует себя как в родном закоулке, по которому готов бродить с закрытыми глазами, на основе одной лишь интуиции, как по открытому и освещенному пространству, совершенно не нуждаясь в поводьях.

Философское слово в поэтической форме способно творить духовную сущность, опираясь на веру, на восхищение, на благоговение, порождаемые силой воздействия образного содержания языка: «Это восхищение, возвышая нас над пассивностью созерцания, позволяет увидеть в радости чтения отблеск радости созидания, как будто читатель стал призрачным воплощением писателя»²³.

Можно теоретически разобрать любой из философских афоризмов и показать, какое огромное количество информации, мыслей, идей сконцентрировано в каждом из них; убедиться в том, что всякая философская максима — это имматериальная жемчужина, интеллектуальный артефакт, выхваченный из мира универсалий, из иного

ментального измерения, не доступного прагматической мысли. Но наш восторг, восхищение вызывают те сентенции философов, которые заключают в себе помимо глубины истины ярчайшие образы, захватывающие нашу интенцию и превращающиеся с ее помощью в наше сознание. В них пульсом стучит сам изначальный такт вселенной, ее гармония. Эти сентенции вызывают душевный трепет своей какой-то непостижимой колдовской силой, способной втягивать сознание в запредельный ритм, в созвучие с началом мира.

Через *поэтику слова* философия покоряет умы человечества и ведет его за собой к новым рубежам знания.

Умение сконцентрировать в одном выражении и философскую экзистенцию, и историческую эссенцию в приложении к терзающей общественное сознание прозе дня, умение дать в нескольких строках целую энциклопедию духовного знания, как это сделал Лейбниц, например, в своей «Теодицее»²⁴ и при этом уловить *эстетику формы*, исполняя философский текст и наполняя его магическим ритмом бытия, гармонией вселенной — это и есть философия как *поэтика* мудрости, тернистый путь к интенциональному познанию истины.

Список литературы:

1. Ахматова А. Бег времени. М.-Л.: Советский писатель, 1965.
2. Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.
3. Блок А. Дневник. М., 1989.
4. Лейбниц Г.В. Опыты теодицеи о благодати Божией, свободе человека и начале зла // Лейбниц Г.В. Соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1989.
5. Материалисты древней Греции. Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура / под общ. ред. М.А. Дынника. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1955.
6. Хайдеггер М. Парменид. СПб: Владимир Даль, 2009.
7. Шеллинг Ф. Философия искусства. М.: Мысль, 1966.
8. Шкловский В.Б. О теории прозы. М.: Советский писатель, 1983.

References (transliteration):

1. Akhmatova A. Beg vremeni. M.-L.: Sovetskii pisatel, 1965.
2. Bashlyar G. Izbrannoe: Poetika prostranstva. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2004.
3. Blok A. Dnevnik. M., 1989.
4. Leibnits G.V. Opyty teoditsei o blagosti Bozhiei, svobode cheloveka i nachale zla // Leibnits G.V. Sochineniya v 4-h t. T. 4. M.: Mysl', 1989.
5. Materialisty drevnei Gretsii. Sbranie tekstov Geraklita, Demokrita i Epikura / pod obshch. red. M.A. Dynnika. M.: Gosudarstvennoe izd-vo politicheskoi literatury, 1955.
6. Khaidegger M. Parmenid. SPb: Vladimir Dal', 2009.
7. Shelling F. Filosofiya iskusstva. M.: Mysl', 1966.
8. Shklovskii V.B. O teorii prozy. M.: Sovetskii pisatel', 1983.

²³ Там же. С. 14.

²⁴ Лейбниц Г.В. Опыты теодицеи о благодати Божией, свободе человека и начале зла // Лейбниц Г.В. Соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1989. 554 с.